

Владимир Шигин

Адмирал
НАХИМОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЯКОВ

Жизнь замечательных моряков

Владимир Шигин

Адмирал Нахимов

«Горизонт»

2015

Шигин В. В.

Адмирал Нахимов / В. В. Шигин — «Горизонт», 2015 — (Жизнь замечательных моряков)

Адмирал П. С. Нахимов для многих поколений россиян является символом долга и чести. Жизни и подвигам героя Наварина, Синопа и Севастополя П. С. Нахимова посвящена документальная повесть известного писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина. В своей работе автор использовал много малоизвестных документов, в том числе и личные письма знаменитого адмирала. При этом В. В. Шигин не ограничивается общеизвестными факторами, а открывает много новых и интересных деталей в жизни и службе знаменитого адмирала, включая загадку его гибели на Малаховом кургане в конце обороны Севастополя

© Шигин В. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Душою чист и любит море...	6
Ступени флотской службы	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Виленович Шигин

Адмирал Нахимов

Правообладатель: Горизонт

Душою чист и любит море...

Нахимов... Имя его давно стало олицетворением служения Отечеству для многих поколений россиян. С именем Нахимова связана целая эпоха нашего флота с победами при Наварине и Синопе, кавказскими десантами и великой Севастопольской эпопеей. Ни один из отечественных флотоводцев никогда не был столь обожжаем и любим соратниками при жизни, как Нахимов. Ни один не удостоился такой общенародной любви после своей гибели, как он. Нахимова помнят, им восхищаются, его чтят. Что же такого совершил этот человек, что и сегодня в его честь называют военно-морские училища и улицы, боевые корабли и площади? Почему и сегодня молодые лейтенанты одевают свои фуражки с особым шиком «по-нахимовски», а седые адмиралы с гордостью носят на груди как высшую награду моряка ордена его. В чем же феномен этого человека, чье имя неотделимо от Севастополя? Того, чье обаяние мы ощущаем через века?

Ступени флотской службы

Родился Павел Нахимов под Вязьмой в далеком 1802 году в семье отставного екатеринского секунд-майора. Жили скудно, а потому вскоре Павел был определен в Морской корпус на «казенный кошт». В пятнадцать лет Нахимов уже мичман. Бриг «Феникс» – его первое судно, а первым плаванием стало крейсерство по Балтике. Наверное, уже в это время начала проявляться и главная отличительная черта Нахимова. Морская служба сделалась для него не просто любимым делом, как для подавляющего большинства других флотских офицеров, она стала для него делом ЕДИНСТВЕННЫМ. Делом, которому он посвятил всю свою жизнь без остатка, отказавшись во имя этого от всех мирских забот и даже личной жизни.

Вскоре на Нахимова обращает внимание один из самых выдающихся моряков той эпохи Михаил Петрович Лазарев. В то время мичман Нахимов совершил поступок, по мнению многих, совершенно глупый и безрассудный. Он отказался от перевода в престижный гвардейский экипаж, а попросился служить на новостроящийся корабль в неблизкий Архангельск.

Там Нахимов познакомился с человеком, преклонение перед которым он пронесет через всю свою жизнь. Вскоре на фрегате «Крейсер» под командой Лазарева он уходит в трехлетнее кругосветное плавание, ставшее прекрасной практической школой для молодого моряка. Канарские острова – Рио-де-Жанейро – Тасмания – Аляска – Сан-Франциско – Таити – Портсмут – вот основные этапы этого беспримерного похода. И на «Крейсере» Нахимов поражает своих сотоварищей совершенно истовым отношением к делу. Из воспоминаний сослуживца: «В глазах наших... он был труженик неутомимый. Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служит 24 часа в сутки. Нигде товарищи не упрекали его в желании выслужиться, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчиненные его всегда видели, что он работает более их, а потому исполняли тяжелую службу без ропота и с уверенностью, что все, что следует им, или, в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто».

Во время плавания на «Крейсере» произошел случай, который как нельзя лучше характеризует Нахимова. В ненастную погоду упал за борт матрос. Быстро спустили шлюпку. Старшим в нее спрыгнул, конечно же, Нахимов. Спасти матроса, к сожалению, не успели. Но на этом беды не кончились. Внезапно налетевшим шквалом шлюпку отнесло так далеко от фрегата, что ее потеряли из вида. Только после четырехчасового поиска в океане шлюпка возвратилась к фрегату. За свой самоотверженный поступок Лазарев представил Нахимова к награде. В докладной бумаге он написал: «Сию готовность Нахимова при спасении жертвовать собой я долгом почел представить на благоусмотрение господ членов государственной адмиралтейств-коллегии и льщу себя надеждой, что подвиг не найдется недостойным внимания...» Увы, в поощрении Нахимову Петербург отказал.

Из общего контекста блестящих характеристик Нахимова в этот период выпадает отзыв его соплавателя по «Крейсеру» будущего декабриста Дмитрия Завалишина. Завалишин упрекает Нахимова в чересчур подобострастном отношении к командиру. Что ж, Нахимов никогда не делал секрет из того, что обожал Лазарева, считая его своим главным учителем. Хорошо известна и язвительность Завалишина, который в своих воспоминаниях не щадил никого.

В кругосветные плавания (или как в то время говорили кругосветный вояж) Нахимов ушел еще совсем юным моряком, вернулся же возмужавшим морским волком, прошедшим три океана. Отныне и навсегда судьба Нахимова переплелась с судьбой Лазарева. В служебной характеристике командир фрегата «Крейсер» написал о Нахимове: «... Душою чист, и любит море». Эти слова могли бы, наверное, стать девизом всей жизни Нахимова. Наконец, «Крейсер» вернулся в Кронштадт. Но задерживаться на берегу долго Нахимов уже не мог. Море снова звало его к себе. Вскоре вместе с Лазаревым он убывает в Архангельск принимать

новостроенный 74-пушечный линейный корабль «Азов». Затем был трудный переход штормовыми морями в Кронштадт. На «Азов» Лазарев подбирал офицеров самолично. Вместе с Нахимовым пришли туда бывшие «крейсерцы» лейтенант Бутенев и мичман Домашенко, мичман Корнилов и гардемарин Истомин.

В это время резко осложнилась политическая ситуация в Средиземноморье. Турция утопила в крови восставшую против порабощения Грецию и император Николай решает послать к греческим берегам эскадру, чтобы демонстрацией силы прекратить избиение единоверцев и поддержать повстанцев. В состав эскадры был включен и «Азов». А перед самым выходом в море, на «Азов» прибыл прославленный флотоходец, герой Афонского и Дарданельского сражений адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. Когда-то Сенявин сам начинал свой ратный путь под флагом великого Ушакова. Теперь же от него эстафету служения Родине перенимало новое поколение: Лазарев и Нахимов, Корнилов и Истомин, те, кому судьбой было предопределено сохранять и преумножать славу российского флота дальше... Преемственность поколений, имен, подвигов... От Петра Великого к Спиридову, от Спиридова к Ушакову, от Ушакова к Сенявину, от Сенявина дальше, дальше и дальше... Непрерывающаяся связь времен и традиций... Впрочем, во время плавания на «Азове» произошел и неприятный случай с Нахимовым. За жестокое обращение с матросами он был наказан в Приказе самого Сенявина. Так в лице Нахимова столкнулись две морские школы: английская с ее равнодушным отношением к нижним чинам и старороссийская, пусть тоже барская, но видевшая в матросе не вербованного наемника, а соотечественника, служившего не за призовые деньги, а за живот. Отеческое Сенявинское «внушение» сыграло свою роль – отныне Нахимов навсегда не только поймет, что матрос тоже человек, но и постепенно настолько сроднится с ним, что впоследствии заслужит даже прозвище «матросского адмирала».

В Портсмуте эскадра простилась с Сенявиным. Прославленного адмирала отзывали в Петербург. Далее эскадру повел уже контрадмирал Логин Гейден. Свой флаг он так же поднял на «Азове».

Соединившись с британской и французской эскадрами, наши корабли подошли к Наварину, где укрылся турецкий флот. Союзники не желали кровопролития. Командующий турецким флотом был предупрежден о немедленном прекращении карательных экспедиций в Греции. Турки не ответили, и тогда в Наваринскую бухту вошли союзные корабли. Пятьдесят семь лет назад здесь уже грохотали пушки русских кораблей эскадры адмирала Спиридова, принесшие славу русскому оружию. Теперь сюда пришли сыновья героев тех лет, чтобы вновь сразиться за свободу братского народа. История подвига повторилась, сделав еще один виток...

Первыми ударили турецкие пушки, им незамедлительно ответствовали орудия с русских, английских и французских кораблей. Так началась знаменитая Наваринская битва. «Азов» сражался в самом пекле против пяти, а то и против шести противников сразу. От частых разрывов вода в бухте буквально кипела, в воздухе висел тяжелый пороховой дым. В один из моментов боя Лазарев увидел, что турки буквально расстреливают английский флагман «Азия». Не раздумывая долго, Лазарев тут же прикрывает своим бортом союзника, невзирая на большие повреждения от огня. Весь бой Нахимов сражается на баке. Там он командует артиллерийской батареей.

– Зажечь фитили, приготовить замки! Забить снаряды! – распорядился на баке «Азова» лейтенант Павел Нахимов. – Изготовиться к пальбе с обоих бортов!

Все готово к открытию огня. Последние минуты самые томительные. Наконец со шканцев прокричали:

– Открыть огонь!

– Батарея пали! – мгновенно отреагировал Нахимов и другие батарейные командиры.

«Азов» в одно мгновение окутывается дымом.

Вдалеке в сплошной туче черного дыма по самые клотики «Азия» Кодрингтона. Гейден с Лазаревым с беспокойством поглядывали на английский флагман: ведет огонь или горит? Разглядеть подробно было невозможно.

– Мы в точке определенной нам диспозицией! – доложил Лазареву штурман.

– Передайте на бак, чтобы клали даглик! – велел командир «Азова» вахтенному офицеру.

Тот репетовал команду на бак линкора Нахимову:

– Приготовиться к положению якоря!

Тот в ответ поднимает вверх руку, мол, понял.

Из шканечного журнала линейного корабля «Азов»: В 3 часа, пришел по назначенной диспозиции в свое место, на глубине 25 саж., грунт ил, брошен якорь «даглист» и, отдав канату до 50 саж., привели помощью шпринга правый борт корабля противу неприятельского двухдечного корабля и фрегата в расстоянии от первого на один кабельтов, и тогда открыли сильный огонь с правого борта».

Обнаженные по пояс матросы закладывали гандшпуги и ворочали ими, наводя пушки для очередного залпа. Внезапно случайная искра попала на сложенные пороховые картузы. Те мгновенно вспыхнули, и огонь быстро побежал по палубе. Часть матросов бросилась, было, в сторону.

– Стой! – закричал Нахимов. – Кому жизнь не дорога за мной! Ободренные матросы кинулись за Нахимовым. Вместе с ними, оказавшиеся рядом, мичман Путятин и гардемарин Истомин. Общими силами они быстро потушили еще не разгоревшийся пожар.

Из шканечного журнала линейного корабля «Азов»: «В 3 1/2 часа с неприятельского корабля сбиты были все мачты и перебиты канаты, которые и понесло за корму. В сие время совершенно открылся стоявший во 2 линии в интервале турецкий адмиральский двухдечный фрегат и некоторые корветы, продолжали пальбу с правого борта...»

– Залп! – выхватив сабли, кричали плутонговые командиры – Залп! Залп! Залп!

До турок было рукой подать, а против «Азова» обратили свои орудия сразу пять турецких судов. Едва ж азовцы успели в первый раз разрядить свои пушки, как корабль внезапно вздрогнул раз, затем еще и еще. Турецкие 6-фунтовые ядра в упор поражали русский флагман.

Бой был тяжел и яростен. У борта «Азова» стена фонтанов от падающих ядер. На самом корабле тоже жарко. То и дело вспыхивали пожары, рвались снасти, рушился такелаж. Но и азовцы в долгу не оставались. Прошло менее четверти часа с начала боя, как меткими выстрелами комендорами флагмана была разбита грот-мачта ближайшего турецкого фрегата. Верхняя ее часть рухнула в воду, по пути разнеся в щепки фальшборт. Упав, мачта потянула за собой паутиной вант весь фрегат. Турки кричали истошно. И было от чего! Судно сильно накренилось на борт, задрав в небо ближний к «Азову» борт. И очередной пушечный залп пришелся точно в небеса.

– Аллаху своему презент послали! – усмехнулся Гейден. – Теперь уж точно не видать им от него милостей!

Зато уж «Азов» не промахнулся, и через несколько минут превратил своего противника в горящую грудку дров. Вскоре, чадающий пожарами фрегат на буксирах оттащили под защиту береговых укреплений.

– Какие повреждения? – спрашивал Гейден Лазарева.

– Фок-мачту выбило из степсов. Едва держится на цепях! – Что с грот-мачтой? – Трещина до нижнего дека. От бизани, сами видите, одни обломки!

Мимо санитары тащили окровавленного матроса.

– Живой? – закричал им Лазарев.

– Куда там, – ответили санитары. – Наповал!

– Да, только начали, а уже жарко! – вздохнул Гейден и, взяв трубу, принимается рассматривать турецкий флот.

Ни Гейдену, ни Лазареву, однако, причин радоваться пока еще никаких не было.

Перед кораблем было еще четыре противника. Батарейные командиры лишь утерли рукавами пот, перенацелили пушки и все началось по новой.

Вскоре очередное меткое ядро, пущенное с «Азова», пробив борт, попало прямо в кюйт-камеру очередного корвета. Взрыв был оглушитель, и останки судна разметало по всей бухте. Высоко в воздухе в клубях дыма летели доски и снасти, головы и руки...

Бой продолжался. «В жару битвы палубы наших кораблей представляли зрелище одинаково ужасное: без мундиров, с завязанными или заткнутыми ушами, дабы совсем не оглохнуть, те люди, которые, за несколько часов (до боя) казались короткими и добрыми, теперь казались бешеными. С диким взором, с растворенными устами, не замечая никакой опасности, они бросались и опрометью бежали туда, куда приказывали. Храбрейшие возвышали голос; им охотно и стремительно повиновались, и никто не узнал бы робкого. Тяжелораненые и умирающие, одни лежали смиренно, другие ползли на перевязку, не произнося ни одного жалобного стона. Вскоре крикливое «ура!» подменилось отчаянным молчанием, и тут-то каждый, можно сказать, работал за четверых, и силы по мере утомления. Казалось. Увеличивались. Томимые жаром, жаждой и усталостью матросы окачивались морской водой (коею в осторожность от пожара палубы наливаются), прикладывались к ядрам или держали свинцовые пули во рту, и тем освежали горящие губы и запекшийся язык. В таком положении ничто не устрашало их; большой ужас возбуждал большую храбрость: каждый взрыв сопровождался радостным «ура», даже раненные на кубрике провозглашали сей символ славянской храбрости...»

– Не суетись ребята! – кричали азовские офицеры вошедшим в азарт артиллеристам. – Целься вернее под ватерлинию, чтоб тонул исправно!

Лейтенанты Павел Нахимов и Иван Бутенев, мичмана Владимир Корнилов и Ефим Пуятин, гардемарины Дмитрий Шишмарев и Владимир Истомина – все при деле!

Над «Азовом» занимаются (в который уже раз) языки пламени. Их сбивают, аварийные партии мечутся от бака к юту.

... Очередной залп с турецкого фрегата и падает, заливая кровью палубу, лейтенант Бутенев. В горячке он пытается подняться. Из раздробленной ядром руки хлещет кровь. Лейтенант рвет зубами рубаху.

– Затяни узлом повыше! – хрипит он подбежавшему матросу. – И живо назад к орудью!

Еще некоторое время Бутенев руководит своей батареей, но силы оставляют его и он падает на руки своим артиллеристам. Пушки среднего дека принимает под свое начало мичман Константин Истомина. Невозмутимо вышагивая среди свистящих ядер в сдвинутой на затылок фуражке, он подбадривает матросов:

– Это что, в аду, говорят, еще почище-то будет! Залпировать по моей команде! А целить под срез палубный!

Позднее Нахимов вспоминал: «... Бедный Бутенев потерял правую руку по самое плечо. Надо было любоваться, с какой твердостью перенес он операцию и не позволил себе сделать оной ранее, нежели сделают марсовому уряднику, который прежде его был ранен...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.